

ПОПЫТКИ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА МЕТОДАМИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ (На основании личного опыта)

Георгий Анчабадзе

Урегулирование этнических конфликтов – прерогатива государственной власти, официальной дипломатии, однако народная (неформальная) дипломатия создает благоприятные условия для действия официальных структур. Она призвана способствовать ослаблению межэтнической напряженности, разрушению «образа врага» и, как следствие этого, нейтрализации конфликта, то есть отказу сторон от силовых действий и продолжению политической борьбы исключительно мирными средствами. При этом не следует думать, что народная дипломатия является «младшей сестрой» официальной дипломатии и копирует ее методы работы. Поле деятельности «неформальных дипломатов» значительно шире, ибо их усилия должны быть направлены не только на оппонентов из противостоящего лагеря, но и, не в меньшей степени, на трансформацию общественного мнения своей стороны, всех слоев общества.

В этом отношении много могут сделать представители смешанных групп населения (в самом широком понимании этого термина), тесно связанные с обеими противостоящими сторонами, хорошо знающие обстановку и, как правило, кровно заинтересованные в мирном урегулировании проблемы. В настоящей статье показаны некоторые средства воздействия на процесс разрядки, доступные частным лицам из этого круга. В частности, рассматривается 15-летний опыт автора, который самостоятельно или совместно с другими лицами, неоднократно пытался различными способами (методами народной дипломатии) повлиять на грузино-абхазский конфликт с целью его нейтрализации. Объем статьи, к сожалению, позволяет показать далеко не все события, относящиеся к сфере народной дипломатии, свидетелем и участником которых довелось быть автору. Тут собраны только основные факты, характеризующие направление его деятельности. Тем не менее, анализ этих факторов и обобщение его опыта, надо полагать, поможет участникам будущих неформальных грузино-абхазских контактов, а также представителям других «горячих точек», в выработке механизмов народной дипломатии.

I

Вначале расскажу немного о себе и своем происхождении, без чего нельзя понять мое отношение к грузино-абхазскому конфликту и мотивы, побуждающие меня столько лет искать доступными средствами пути выхода из него.

Мой отец, член-корреспондент АН Грузии, профессор Зураб Анчабадзе был по национальности абхазец. Наш род – один из древних княжеских родов Абхазии, вплоть до XX в. игравший важную роль в общественно-политической жизни края. До установления советской власти абхазские и грузинские дворянские роды часто роднились между собой. Особенно это относится к Южной Абхазии (откуда происходит наша семья) и прилегающей к ней грузинской провинции Мегрелии. В граничащей с Мегрелией области Абхазии – Самурзакано (совр. Гальский район) процессы этнического смешения среди всех слоев населения протекали настолько интенсивно, что к XIX в. здесь сложилась этнографическая группа – самурзаканцы, по многим признакам представлявшая собой переходное звено между абхазами и грузинами (мегрелами). Абхазские дворяне и крестьяне, проживавшие вдоль пограничной р. Ингури в основном перешли на мегрельский язык, хотя еще долго сохраняли абхазское самосознание.

Наша семья, как самурзаканская по происхождению, также носила некоторые характерные черты. У моих отца и деда матери были мегрельские дворянки. В доме часто

звучала мегрельская речь. Бабушка отца – Мария Николаевна, урожденная княжна Дадиани, была истинной грузинской патриоткой, известным общественным деятелем. Ни одно общественное начинание в Абхазии конца XIX – первой четверти XX в. не проходило без ее участия. Достаточно сказать, что она являлась бессменным руководителем абхазского отделения «Общества распространения грамотности среди грузин», культурно-просветительной организации, сыгравшей огромную роль в национальном возрождении Грузии.

В недолгий период существования независимой Грузинской республики в 1918-1921 гг. грузино-абхазские взаимоотношения не были так обострены как это произошло позднее и, поэтому, часть абхазов сохраняла лояльность к Грузии. К ним относилась и наша семья. Мой дед, член высшего законодательного органа Абхазии – Народного Совета, принимал участие в работе над проектом конституции автономной Абхазии, которая должна была урегулировать ее взаимоотношения с Грузией. Во время оборонительной войны Грузинской республики против Советской России в 1921 г. четыре сына моего прадеда – подполковника Тараса Анчабадзе – находились в рядах грузинской армии. Старший из них при этом погиб на р. Гумиста, там где в наши дни пролегал западный фронт грузино-абхазского вооруженного противостояния.

Мой отец в 22 года переехал на жительство из Сухуми в Тбилиси. Здесь он сформировался как ученый-историк; женился на грузинке, которая стала моей матерью. Меня, родившегося и выросшего в столице Грузии, воспитанного в грузинской социокультурной среде, с родным грузинским языком, окружающие считали настоящим грузином. Фактически, так это и было, хотя, разумеется, я хорошо знал свое происхождение и гордился им. Полагал, что благодаря этому имею моральное право считать себя абхазом и грузином в одном лице. Еще в отроческом возрасте во мне сложились три иерархических уровня этнической самоидентификации: 1) я абхазец; 2) я грузин; 3) я кавказец. Под последним я подразумевал свою принадлежность к кавказской этнолингвистической общности (семье народов), которую рассматривал как единый палеокавказский этнос.

II

XX век в грузино-абхазских взаимоотношениях – это период постепенного отчуждения и роста напряженности, приведшие эти два, некогда действительно братских народа к кровопролитной войне 1992-1993 гг. Еще когда советская власть была в силе, в 50-70-х гг., грузино-абхазские взаимоотношения порой принимали характер открытой конфронтации. Не буду останавливаться на причинах данного явления, отмечу только, что мой отец, обладавший большим авторитетом среди полиэтнического населения Абхазии, много делал, чтобы ситуация не обострялась до предела.

Я, проживая преимущественно в Тбилиси, долгое время не понимал всю серьезность накопившихся в Абхазии проблем, хотя и был достаточно информирован о них. Впервые непосредственно столкнулся с одним из аспектов назревающего кризиса мне пришлось в 1984 г. Речь идет об исторических проблемах, которые на Кавказе в зонах межэтнической напряженности являются основным способом идеологического противоборства на ранних стадиях конфликта. Полемика обычно ведется на темы, какой народ является аборигенным на данной территории, кто тут имеет больше исторических прав и т.д.

В случае с Абхазией политизированным научным спорам, фактически, начало положил грузинский литературовед П.Ингороква, выдвинувший в начале 1950-х годов антинаучную теорию, будто современные абхазы выходцы с Северного Кавказа, захватившие в XVII в. территорию Абхазии, где до этого проживало исключительно грузинское население.

Хотя теория Ингороква была основательно раскритикована еще в 50-х годах грузинскими и абхазскими учеными (Н.Бердзенишвили, К.Ломтатидзе, З.Анчабадзе,

Х.Бгажба и др.) и ныне никто из серьезных грузинских историков не выступает в защиту ее основных положений, среди грузинской интеллигенции, особенно неспециалистов, она имеет определенную популярность. В целом же, после публикации Ингороква, историческая тема в грузино-абхазских отношениях стала предметом нагнетания страстей.

Мой отец скоропостижно скончался в 1984 г. Незадолго до смерти он закончил работу над рукописью первого учебного пособия по истории Абхазии, которую он писал в соавторстве с двумя другими видными учеными старшего поколения – Г.Дзидзария и А.Куправа. Однако когда уже встал вопрос издания учебника, несколько грузинских историков обратились в соответствующие инстанции (тогда все решала номенклатура) с требованием ревизии его основных положений. Это дало повод и некоторым сравнительно молодым абхазским ученым выдвинуть подобные требования, хотя их претензии к книге диаметрально отличались от замечаний тбилисских коллег. Такая двойная атака в тех условиях вообще могла привести к запрету на публикацию книги, чего видимо и добивались определенные силы, если бы не желание тогдашнего министра образования Грузии Д.Чхиквишвили, ведомство которого курировало издание учебников, помочь выпутаться из создавшегося положения. Для уточнения спорных вопросов была создана специальная смешанная (грузино-абхазская) редакционная коллегия во главе с акад. А.Апакидзе. Ввиду того, что основные замечания с обеих сторон (причем взаимоисключающего характера) касались разделов, написанных З.Анчабадзе (древний период и средние века) было решено ввести в состав редколлегии также и меня, по тогдашним меркам еще молодого ученого (мне было 35), сотрудника Института истории АН Грузии.

Могу заявить, что основная работа по редактированию и защите позиций автора была проделана мною, хотя без поддержки со стороны остальных членов редколлегии и, в первую очередь, А.Апакидзе, а также доброжелательного отношения тогдашнего президента АН Грузии Е.Харадзе, книга, вероятно, так и не увидела бы свет. В течение двух лет я возил рукопись учебника из Тбилиси в Сухуми и обратно, всюду отстаивая его авторский вариант. При этом получалось, что с грузинскими учеными я полемирую как абхазец, а с абхазскими – как грузин. Я защищал позицию Зураба Анчабадзе не потому, что был его сыном, или она являлась вынужденным компромисом, – своего рода «золотой серединой» между крайностями, – а потому, что как специалист верил в ее научную обоснованность.

После многочисленных совещаний и бурных обсуждений, проходивших под контролем партийных органов, опасавшихся, что историческая тема снова не стала катализатором массовых выступлений в Абхазии, как это было в 50-х, 60-х и 70-х годах, учебник наконец-то был издан (См.: З.В.Анчабадзе, Г.А.Дзидзария, А.Э.Куправа. История Абхазии. Изд. «Алашара», Сухуми, 1986). При этом почти полностью удалось сохранить его первоначальный вид, все основные положения. Остается добавить, что после публикации книга уже не вызывала никаких нареканий.

Я потому привел эпизод с учебником истории Абхазии, что это был, фактически, мой первый опыт в народной дипломатии, хотя тогда, разумеется, мне не приходила мысль так это квалифицировать. За эти два года я, к большому моему сожалению, убедился, что отчуждение между определенными кругами грузинской и абхазской интеллигенции зашло довольно далеко. Среди широких слоев населения этого еще не было, но импульсы, исходившие от интеллектуальной элиты, не могли не оказывать влияния на все общество в целом. Эта отчужденность рождала взаимное недоверие и подозрительность, вызывавшие порой неадекватные реакции. Общаясь и работая с обеими сторонами с обстановке, которую можно охарактеризовать как этнический конфликт в латентном состоянии, я приобретал опыт поиска взаимоприемлемых решений по согласованию спорных, конфликтогенных вопросов.

Несомненно успеху моей миссии в значительной мере способствовали мои двусторонние связи. Хотя я в большей мере был тбилисским грузином, меня хорошо

знали и принимали в Абхазии, как сына Зураба Анчабадзе. Это помогало мне легче находить решения по спорным вопросам как с грузинскими, так и с абхазскими историками. В маленькой Абхазии многие внимательно следили за перипетиями нашего учебника и моя позиция в глазах большинства заслужила одобрение. В то время я уже работал по совместительству в Абхазском гос. университете; раз в год приезжал в Сухуми на целый месяц и читал лекции по военной истории и исторической географии. Я стремился таким путем сохранить живую связь с Абхазией, которая после кончины моего отца могла оборваться. Многонациональный коллектив университета хорошо принял меня. Мои связи с общественностью Абхазии ширились и крепились.

III

С 1985 г. новое руководство СССР взяло курс на перестройку, которая привела к развалу государства. В Грузии перемены начались с 1987-1988 гг., когда деятельность полулегальных и немногочисленных националистско-правозащитных групп переросла в широкое национальное движение. Я был среди тех, кто в этот период присоединился к нему.

В 1988 г. мы, группа историков среднего и молодого поколений создали общественно-политическую организацию – Общество Иванэ Джавахишвили. Имя И.Джавахишвили (1876-1940), этого выдающегося сына Грузии – гражданина, ученого и общественного деятеля, должно было символизировать нашу ориентацию. Общество Джавахишвили встало в ряд с другими политическими объединениями, составлявшими тогда первый эшелон национально-освободительного движения. Поначалу таких организаций было несколько. Массовость в этом отношении пришла позднее, после апрельских событий 1989 г., когда на фоне резкого ослабления коммунистического режима, в Грузии как грибы после дождя стали появляться различные партии, общества и союзы, число которых к середине 1990 г. перевалило далеко за сотню.

Я в целом разделял стремление грузинского национального движения к восстановлению независимости страны. Единственное, что вызывало мою озабоченность, это неизбежное в таком случае ослабление связей с народами Северного Кавказа, которых я мечтал видеть объединенными вместе с грузинами а абхазами в союзном кавказском государстве. Кроме того, я понимал, что грузинское национальное движение обязательно должно протянуть руку абхазскому народу, чтобы общими усилиями преодолеть негативное наследие уходящей эпохи. Свою основную роль в национальном движении я видел в том, чтобы в меру своих сил и возможностей способствовать грузино-абхазскому сближению. Я знал, что этот процесс мог быть только обоюдосторонним, и для его начала необходимо провести большую подготовительную и разъяснительную работу. Бывая в Сухуми и встречаясь с представителями абхазской интеллигенции и молодежи я рассказывал о целях и задачах грузинского движения, которое поначалу действительно не имело антиабхазской направленности. В Тбилиси же я выступал на собраниях участников национального движения и рассказывал кто такие абхазы, на каком языке они говорят, какую роль сыграли в истории Грузии; подробно говорил о махаджирстве (массовом выселении абхазов с Османскую империю в XIX в.) и его последствиях, сообщал о фактах национальной дискриминации абхазов в 40-х – начале 50-х гг. XX в.

Для большинства слушателей все это было внове и они внимательно слушали меня, задавали вопросы. Многие потом подходили ко мне и просили выступить также в их ВУЗе или трудовом коллективе. Конечно среди присутствующих попадались и те, кому не нравилось то, что я говорил, однако не обладая знаниями не могли диспутировать со мной и ограничивались репликами и брюзжанием. Обычно их заставляли умолкнуть другие присутствующие. Небольшая стычка вышла у меня только со Звиадом Гамсахурдиа, бывшим диссидентом, претендовавшим на лидерство в национальном движении. В то время Звиад быстро набирал очки и для этого не гнушался прибегать к демагогии. Так,

ссылаясь на Ингорква, он объявил абхазов адыгейцами и заявил, что если они желают самоопределиваться, пусть сделают это на Северном Кавказе. Вскоре после нашего столкновения, Гамсахурдиа на митинге призвал слушателей не верить мне.

Это произошло в марте 1989 г., спустя несколько дней после того, как в абхазском селе Лыхны многолюдный сход, организованный активистами созданного в конце 1988 г. абхазского народного движения «Айдгылара», выставил требование о повышении статуса Абхазии до уровня союзной республики. Эта декларативная акция, показавшая, что абхазы хотят выйти из состава Грузии, вызвала в грузинском обществе взрыв негодования. Высказывались опасения, что он инспирирован Кремлем и готовится отторжение Абхазии от Грузии. В грузинском национальном движении, отношение к абхамам, бывшее до того, в целом, индифферентным, стало резко меняться в худшую сторону. Начались митинги и собрания, на которых возмущенные ораторы требовали упразднить абхазскую автономию. Широко стала пропагандироваться теория Ингорква, делались заявления, оскорбляющие национальное достоинство абхазского народа.

Власти Грузии на все это смотрели благосклонно и, со своей стороны, через подчиненные им СМИ подливали масла в огонь. Между тем интересы Грузии требовали совершенно противоположных действий: надо было успокоить грузинское население, наладить широкий диалог с абхазами, показать им свое благорасположение, готовность совместно решать насущные проблемы. Эти свои взгляды я изложил первому секретарю ЦК КП Грузии Дж.Патиашвили, который спустя примерно шесть дней после лыхненского схода, собрал по этому поводу элитарную грузинскую интеллигенцию, пригласив также нескольких членов Общества Джавахишвили. Там я предложил следующую программу действий:

- 1) устроить телемост Тбилиси-Сухуми;
- 2) организовать обмен делегациями между колхозами Абхазии и собственно Грузии;
- 3) срочно решить вопрос восстановления исторических абхазских топонимов, замененных в конце XIX – середине XX вв. русскими и грузинскими названиями (эта проблема крайне волновала абхазов);
- 4) пропагандировать взгляды крупнейших грузинских историков – И.Джавахишвили, С.Джанашиа, Н.Бердзенишвили и др., доказывающих проживание абхазского этноса на данной территории с глубокой древности, и отмечавших ту значительную роль, которую абхазы сыграли в истории средневековой Грузии;
- 5) издать в переводе на русский и абхазский языки произведения классиков грузинской литературы – А.Церетели, Н.Лордкипанидзе, К.Гамсахурдиа, Л.Киачели, показывающие абхазов в героически-идеализированном виде, в каком они воспринимались в массовом грузинском сознании начала XX в.

Меня выслушали но ничего подобного не было сделано. Видимо, власти опасались непопулярных шагов или сами тоже были заражены общим настроением.

Последующие месяц – это период крайней радикализации общественного мнения, в отдельных случаях выливавшийся в настоящий психоз. В обыденном сознании абхазов и грузин быстро формировался «образ врага». В такой обстановке в Тбилиси и Сухуми я открыто распространял свои мысли и взгляды на абхазо-грузинские взаимоотношения, устанавливал связи с абхазским национальным движением. Я был единственным представителем грузинских политических организаций, кто открыто присутствовал на митингах абхазов и был вхож в штаб-квартиру Народного форума Абхазии – «Айдгылара». Во-первых, как историка и участника определенного процесса меня интересовало все происходящее, а во-вторых, я полагал, что должен быть хотя бы один человек, имеющий нормальные связи с лидерами обеих сторон, чтобы способствовать завязке диалога, о необходимости которого я говорил с самого начала. С этого периода окружающие стали воспринимать меня как человека занимающего «промежуточную» позицию. Но если в глазах абхазов, считавших меня раньше полностью огрузинившимся я, полагаю, этим что-то выиграл, то многие грузины, по этой же причине были несколько

разочарованы... Мне жаль, что в моей позиции кое-кто не увидел ничего, кроме моего абхазского происхождения. Между тем, эта позиция отвечала, в первую очередь, интересам Грузии, ее стабильности и целостности. Если бы прислушались к моим советам, можно было избежать многих тяжелых последствий.

IV

В результате ряда решительных акций, предпринятых национал-радикалами как с грузинской, так и с абхазской стороны, при полном игнорировании возможной реакции противостоящих сил, 15-16 июля 1989 г. в Абхазии произошли первые межэтнические столкновения с человеческими жертвами. При этом имело место вторжение на территорию Абхазии больших групп полувооруженных людей из соседних районов Западной Грузии, что побудило малочисленных абхазов активнее искать союзников среди этнически и культурно родственных народов Северного Кавказа.

Силовое противостояние удалось скоро остановить и пролитая кровь как будто отрезвила противодействующие стороны, однако призрак войны уже стал витать над Абхазией, побуждая многих запастись оружием. Процесс создания военизированных формирований шел полным ходом по всей Грузии. Грузинское национальное движение к этому времени распалось на два противостоящих лагеря: часть политических организаций объединилась в блок «Круглый стол» во главе со З. Гамсахурдиа, его противники же создали «Координационный центр национально-освободительного движения», куда вошло и немногочисленное общество Джавахишвили. Раскол коснулся и этнически грузинских политформирований Абхазии. Большая часть их примкнула к «Круглому столу», остальные образовали «Цхумо-Абхазский национальный комитет» выступавший на стороне Координационного центра.

В марте 1990 г. Гамсахурдиа пригласил в Тбилиси для консультаций представителей абхазского народного движения. Переговоры шли за закрытыми дверями. Гамсахурдиа предостерегал абхазов от контактов с другими политическими группировками Грузии, однако, состоявшая из трех человек абхазская делегация хотела иметь представление о всем политическом спектре грузинской столицы. Один из абхазов, юрист Зураб Ачба, связался со мной и попросил познакомить их с другими политическими силами. За неполных два дня, бывших в нашем распоряжении я устроил несколько таких встреч. Они прошли в спокойной, нормальной обстановке, но, к сожалению, не дали особых результатов, как и консультации с Гамсахурдиа.

В начале июля 1990 г. ко мне обратился лидер Цхумо-Абхазского комитета Б.Какубава и сообщил, что в годовщину июльских событий 1989 г. в Абхазии ожидается повторение этнических столкновений и на помощь абхазам уже тайно прибыли бойцы с Северного Кавказа. Какубава просил содействия в деле разрядки ситуации. Я не верил, чтобы в Абхазии кто-нибудь специально готовил кровопролитие, но ввиду недоверия, которое противники испытывали друг к другу, вполне можно было ожидать, что ими будут приняты усиленные меры безопасности. У меня была информация, что вооруженные люди на всякий случай собираются отправиться в те дни в Абхазию из Тбилиси. В такой ситуации даже случайный выстрел мог привести к непоправимым результатам. Мы решили послать в Сухуми делегацию Координационного центра, чтобы на месте разобраться в обстановке. Я по телефону связался с З.Ачба, в то время заместителем председателя Народного форума Абхазии, и условился с ним о нашем приезде. В Сухуми нас выехало несколько человек, представителей разных организаций; кроме меня в делегацию входили Г.Беришвили, Г.Гогбаидзе, Д.Квижинадзе, А.Иоселиани и др. В течение двух дней мы по нескольку раз побывали во всех трех политических центрах Абхазии: В Народном форуме, Цхумо-Абхазском комитете и отделении Круглого стола. Всюду к нашей миссии отнеслись с пониманием. Выяснилось, что все они независимо друг от друга планировали проведение в Сухуми различных мероприятий в память жертв

прошлогоднего конфликта. В такой обстановке отсутствие связи между ними (меня поразило, что ни один из этих противостоящих друг другу политических блоков не имел даже телефонных номеров остальных) грозило развитием непредсказуемых последствий.

По нашему предложению было решено воздержаться от проведения уличных акций. Кроме того условились, что в критические дни 15-16 июля специально выделенные группы от всех трех объединений будут наготове и в случае стихийного возникновения в городе очага напряженности, совместными усилиями нейтрализуют его.

Таким образом, годовщина июльских событий прошла в Абхазии без эксцессов. Я считаю этот факт в определенной степени результатом успешного использования методов народной дипломатии. Кроме того он показывает возросшее чувство ответственности политических организаций Абхазии, которые несмотря на острую идеологическую конфронтацию и политическую борьбу, стремились не доводить дело до силового противостояния.

Помнится, как во время посещения нами сухумского отделения Круглого стола, один из членов этой организации (к сожалению, не знаю его имени) подошел ко мне и спросил, как я лично думаю, смогут ли грузины и абхазы достичь согласия. Я ответил утвердительно, так как полагал, что коль скоро подавляющее большинство жителей Абхазии, включая политиков, хотят сохранить мир в своем доме, взаимоприемлемая модель сосуществования будет найдена. В 1990 году я не мог предположить, что нелегкий процесс внутреннего развития будет так резко прерван силовым вмешательством.

V

Я всегда стремился содействовать любым абхазо-грузинским контактам, ибо личное общение в большинстве случаев приводит к сближению позиций, а в нашем случае, между политическими силами Тбилиси и Сухуми катастрофически не хватало именно этих контактов. Поэтому, когда двое моих друзей Зураб Цинцадзе (бывший политзаключенный, член Общества И.Чавчавадзе) и Давид Пайчадзе (Либерально-Демократическая Национальная партия Грузии) попросили меня устроить их присутствие на намечавшемся в столице Абхазии III съезде горских народов Кавказа (1-2 ноября 1991 г.), я позвонил в Сухуми и без труда получил приглашение.

На съезде горцев, где была создана Конфедерация горских народов Кавказа, из Тбилиси присутствовали только мы трое. Мы находились там в качестве гостей, как сугубо частные лица. Грузинские газеты сдержанно сообщили о нашем визите, а в политических кругах Тбилиси не все одобрили эту поездку. Однако, я не видел и не вижу в этом ничего предосудительного. На абхазов и представителей Северного Кавказа приезд грузин произвел благоприятное впечатление.

VI

Тем временем в столице Грузии противостояние между З.Гамсахурдиа, избранным за год до того президентом страны, и его политическими противниками дошло до предела. В декабре 1991 г. в Тбилиси между президентской охраной и вооруженными отрядами оппозиции вспыхнули бои. В центре города велась артиллерийская стрельба. Я, как и многие другие, целые дни проводил на проспекте Руставели, следя за происходящим. Должен признаться, что только позднее я осознал в полной мере насколько тяжелые последствия может иметь для страны и ее государственной организации вооруженное свержение законноизбранной власти, какой плохой бы эта власть ни была.

С первых чисел января 1992 г. соотношение сил стало складываться не в пользу Гамсахурдиа, который был вынужден бежать из Грузии вместе с приближенными. Но еще до этого, организации поддерживающие переворот, усилили политическую активность. В числе прочих была создана специальная межпартийная комиссия, которая должна была

выработать основные принципы взаимоотношений с Абхазией после прихода к власти оппозиции.

Первоначальное ядро этой т.н. Абхазской комиссии, в которое входил и я, составляли люди, в целом, лояльно относившиеся к абхазам и считавшиеся более или менее информированными в абхазском вопросе. Тем не менее, в первый наш рабочий день мне пришлось знакомить товарищей с ситуацией, сложившейся в Абхазии, опять рассказывать о старых проблемах края, объяснять «чего хотят абхазы», что можно им предложить, и что будет для них абсолютно неприемлемо. Затем, в последующие дни, комиссия выработала определенную концепцию и облаченная полномочиями новых грузинских властей, выделила четырех человек для поездки в Сухуми. Делегированы были И.Хаиндрава, Д.Бердзенишвили, И.Мачавариани и я. Мы выехали на автомашине. Благополучно проскочив через Мегрелию, где действовали вооруженные отряды сторонников Гамсахурдиа, утром 2 февраля были уже в Сухуми. Встречи с руководством Абхазии, в том числе с председателем Верховного Совета В. Ардзинба, носили конструктивный характер. Состоялся также ряд неформальных, но очень важных и интересных встреч и бесед. Политическая конъюнктура благоприятствовала успеху переговоров. Незадолго до этого распался Советский Союз и уже не было всесоюзного центра, к которому Абхазия могла апеллировать в случае осложнения отношения с Грузией. Кроме того, мы представляли силы, свергнувшие Гамсахурдиа, с которым абхазы имели натянутые отношения. Можно было надеяться, что новое руководство Грузии в определенной степени пересмотрит политику официального Тбилиси в отношении автономных образований.

Абхазская сторона, стремившаяся изменить характер государственно-правовых отношений с Грузией, предложила остаться в ее составе на федеральных началах, с разграничением полномочий между Тбилиси и Сухуми. При этом оговаривалось, что вопросы внешней политики, обороны и финансов могут быть оставлены в ведении грузинского центра. Однако, как предварительное условие абхазы потребовали изменить название страны на «Республика Абхазия» (с удалением слова «автономная») и утвердить новый флаг и герб с национальной символикой, взамен атрибутов советской эпохи.

Я находил, что условия вполне приемлемы, но когда мы вынесли их на обсуждение Консультативного совета (временный политический орган, созданный после январского переворота и переименованный позднее, после приезда в Грузию Э. Шеварднадзе, в Госсовет), там мнения разделились и большинством голосов абхазские предложения были отвергнуты. Среди грузинских политиков идея федерализации страны была непопулярна.

То заседание Консультативного совета оставило на меня тяжелое впечатление. Была упущена реальная возможность найти ключ политического решения проблемы. После этого мне пришлось оставить Абхазскую комиссию, дальнейшая деятельность которой ничем не была примечательна. В политике, однако, я еще оставался, был избран членом главного комитета Республиканской партии Грузии, с которой слилось Общество Джавахишвили. Мы готовились к парламентским выборам, которые должны были окончательно легитимировать новую власть. В партийном списке я занимал место, гарантирующее (учитывая влияние Республиканской партии и особенности действующего тогда избирательного закона) мое избрание в высший законодательный орган страны. До парламентских выборов же мою кандидатуру выдвинули на кооптирование в члены Госсовета.

VII

Один из важнейших способов нейтрализации этнического конфликта – это широкая пропагандистско-разъяснительная работа с населением. Необходимо разрушать «образ врага», который формируется в течение определенного времени через митинги, газеты, книги, радио и телевидение. Тенденциозной пропаганде нужно противопоставлять правду.

Надо говорить о вещах, которые заставят задуматься, посмотреть на вопрос с другой точки зрения. Информационная перепалка, вызывающая у обеих сторон негативные эмоции, способствует лишь углублению кризиса. Даже справедливая критика в адрес представителей другого этноса воспринимается как очередной выпад и никак не помогает решению проблемы. Пропагандировать нужно то, что сближает народы, а не разъединяет их. А если и одергивать кого-то, то лучше своих же «ястребов».

В течение 1988-1992 гг. я старался вести свою пропагандистскую и профессионально-консультационную работу в этом направлении. Действовал сначала в основном один, а в последние предвоенные месяцы, также, в союзе с другими лицами, не связанными с политическими группировками. Однако не имея достаточной организованности, а главное поддержки со стороны ведущих общественно-политических сил, мы не могли остановить приближавшуюся кровавую развязку.

Помимо публичных выступлений или бесед в узком кругу, о которых я писал выше и которые, практически, продолжаю все эти годы, я публиковал научно-популярные статьи, давал интервью, изредка выступал по телевидению. При этом я далеко не всегда говорил или писал только о конфликте и связанных с ним вопросах. Зачастую давал просто правдивую информацию об истории и культуре соперничающих народов, сообщая сведения, считавшиеся в науке общепринятыми до конца 1980-х годов, но неизвестные для большей части общественности. Я заметил, что такая информация, подкрепленная фактами и аргументами оказывает позитивное влияние на настроенность большинства слушателей.

В июле 1992 г. у меня наметилась возможность широко использовать телеэкран для претворения в жизнь своих идей. Дело в том, что мне предложила сотрудничество в подготовке серии передач про Абхазию, режиссер грузинского телевидения Тина Шония. Я согласился, так как ее отношение к абхазскому вопросу было близким моему. Мы задумали создать телевизионный клуб, который должен был помочь грузинскому телезрителю более или менее правильно разобраться в прошлом и настоящем Абхазии. В передачах клуба мы собирались познакомить его с историей и культурой края, его природными достопримечательностями. Планировались встречи и беседы с представителями научной и творческой интеллигенции, лидерами политических группировок (как этнически-абхазских, так и грузинских), наконец, просто с сухумскими горожанами и крестьянами окрестных селений. Мы надеялись также, что доброжелательный дух передач окажет позитивное влияние и на настроенность абхазов, привыкших за последние три года получать о себе из Тбилиси только отрицательную информацию. Свой клуб мы назвали женским именем «Гурандухт». Так звали абхазскую царевну, ставшую матерью первого царя объединенной Грузии Баграта III (X в.).

Съемки первой передачи клуба происходили в Тбилиси и Сухуми. Был отснят большой материал. Целая неделя ушла на монтаж, который был закончен к вечеру 13 августа и открытие клуба «Гурандухт» уже было внесено в предварительную программу передач грузинского телевидения на следующую неделю, но 14 августа 1992 г. разразилось событие, которого я страшился более всего, и о недопустимости которого я многих и много раз предупреждал в Тбилиси. В этот день пехотные и танковые войска Госсовета вступили на территорию Абхазии и, как и следовало ожидать, встретили упорное сопротивление. В первый же день появились убитые и раненые. В такой обстановке руководство телевидения сочло нецелесообразным показ нашей передачи и ее отменили. Телевизионный клуб «Гурандухт» так и не появился на телеэкранах.

VIII

Начало войны сорвало и другое важное общественное начинание, которое в других условиях могло сыграть позитивную роль в грузино-абхазских взаимоотношениях. Речь идет о землячестве выходцев из Абхазии, проживающих в Тбилиси, с идеей создания

которого поделился со мной доктор философских наук, профессор Важа Кешелава, грузин, уроженец г. Гагра. Мы приступили к делу и вскоре собралась группа примерно в сто человек. Среди них были абхазы, грузины, русские, армяне, греки, евреи. Этих людей, в большинстве своем далеких от политики и имевших не всегда одинаковые взгляды на те или иные стороны нашей действительности, объединяла любовь к Абхазии, откуда вышли они сами или их ближайшие предки и где у них оставались родственники и друзья.

На учредительном собрании землячества «Абхазия» – организации независимой от правительственных структур – состоявшемся 29 июля 1992 г., выбрали двух его сопредседателей и правление из 15 человек. Сопредседателями стали В.Кешелава и я. В состав правления вошли ученые, врачи, юристы, инженеры, бывшие ответработники. Среди них можно назвать руководителя ангиологического центра, ныне покойного проф. Н.Бохуа, прославленного спортсмена В.Баркая, главного врача Института терапии проф. Н.Гогохия, юриста-международника проф. Л.Матарадзе, в прошлом крупного партийного работника С.Ригвава, врача-невролога Т.Маргания, инженера-строителя В.Ачба, историка М.Папашвили и др.

Мы видели главную цель деятельности землячества в том, чтобы используя наши двусторонние связи, активно включиться в поиск путей разрядки грузино-абхазского конфликта, приближавшегося уже к критической черте. Имелась определенная надежда, что землячество сможет найти свой подход к проблеме, а его миротворческие усилия встретят сочувствие и поддержку со стороны общественности. Кроме того, в программе нашего общества стояли также благотворительные и культурно-просветительные задачи.

В землячестве состояли некоторые известные в Грузии врачи. По предложению Темура Маргания было решено воспользоваться этим обстоятельством для улучшения медицинской помощи населению Абхазии, разумеется, по согласованию с руководством края. Дело в том, что в самой Абхазии не хватало современной медицинской аппаратуры, а также специалистов по некоторым болезням; поездки же в лечебные центры Москвы и Ленинграда, куда в прежние годы часто обращались жители Абхазии, после развала СССР стало очень затруднительным.

Т.Маргания связался с заместителем министра здравоохранения Абхазии О.Осия и ознакомил его с намерениями нашего землячества. Абхазская сторона поддержала это начинание. Незамедлительно началась реализация плана (подбор специалистов, уточнение даты приезда больных и т.д.), но вскоре все было нарушено вводом грузинских войск в Абхазию и началом боевых действий.

Цели, которые ставило землячество «Абхазия», в условиях войны были невыполнимы и, поэтому, Общество не сумело реализовать свои возможности. Единственное, что у нас оставалось, это выразить свое отношение к происходящему. В газете «Сакартвелос Республика» от 17 августа было опубликовано воззвание, подписанное правлением землячества и обращенное к Госсовету Грузии и Верховному Совету Абхазии. Мы предлагали незамедлительно прекратить огонь, организовать встречу на высшем уровне руководителей Грузии и Абхазии и на паритетных началах создать общественную комиссию для выработки предложений к нормализации положения в Абхазии. Это воззвание, по духу разительно отличающееся от настроения, царившего в те дни на страницах грузинской прессы, разумеется, осталось без ответа.

Кроме того, я, со своей стороны, решил порвать с политическими структурами, ибо в данной ситуации уже не видел смысла своего пребывания в них. Довольно эмоционально выступив на собрании актива Республиканской партии, имевшей самую крупную депутацию в Госсовете, я в резкой форме раскритиковал решение о вводе войск в Абхазию и отказался баллотироваться в парламент, выборы которого были назначены на осень того же года. Вскоре я вообще оставил партию, хотя с бывшими товарищами по политике у меня сохранились нормальные личные отношения.

IX

День 14 августа 1992 г. разделил мою жизнь, как и жизнь сотен тысяч жителей Абхазии на периоды: «до войны» и «после». Эта кровавая бойня явилась самым трагическим событием в многовековой истории грузино-абхазских взаимоотношений. Уже в начале войны, когда стало очевидным, что маховик насилия раскручивается на полную мощность, мне открылись две истины: 1) этот конфликт не имеет чисто военного решения и чем больше людей станут его жертвами, тем труднее потом будет протекать миротворческий процесс; 2) послевоенная Абхазия не будет такой, какой она была прежде. Всякая война независимо от ее исхода, приносит новые реалии политического, социально-экономического, психологического и иных характеров. И чем скорее общество примет их, тем быстрее можно ожидать заживления военных ран.

Теоретически свои мысли о невозможности в наше время решать военным путем этнические конфликты я частично изложил позднее, в статьях, посвященных последней русско-чеченской войне (см. «Ахали Таоба», декабрь 1994 г. и февраль 1995 г.), а в 1992 г. просто продолжил свои устные выступления на абхазскую тему. В период войны первое мое публичное выступление по этому вопросу состоялось в сентябре 1992 г. в Тбилисском университете, на конференции, организованной «Кавказским домом» и фондом Генриха Белля. Я рассказал о зарождении и истории грузино-абхазского конфликта на фоне общей истории Абхазии конца XIX-XX вв. Из-за актуальности проблемы было много вопросов, споров. В результате мое выступление затянулось допоздна и остальные доклады пришлось перенести на другой день. Подобные выступления и беседы как перед широкой аудиторией, так и в узком кругу я продолжаю по сей день. Опубликовал также ряд статей по истории Абхазии (в том числе две в грузинской энциклопедии 1997 г.), еще несколько статей находятся в печати. Я занимаюсь этим потому, что считаю: правильное информирование общественности позитивно влияет на трансформацию конфликта; медленно но верно продвигает вперед процесс разрядки.

Разумеется, стараниями только отдельных лиц нельзя достичь желаемых результатов, тем более, что сегодняшняя публицистика и выходящая научная литература, вольно или невольно, в значительной своей части все еще служит интересам информационной борьбы и, таким образом, отнюдь не способствует нейтрализации конфликта. Однако есть отдельные моменты, показывающие, что в обществе в целом растет ориентированность на мирное решение проблемы. В частности, значительным фактом в послевоенных грузино-абхазских взаимоотношениях стало развитие неформальных контактов (пока в основном на уровне неправительственных организаций), осуществляемых при содействии международных кругов. В условиях, когда прямые грузино-абхазские связи низведены до минимума, эти контакты являются, практически, единственным средством ведения народной дипломатии. Я участвую в них с 1997 г. и вижу как положительно эти встречи влияют на настроенность молодежи, составляющей основной контингент их участников. От таких контактов, разумеется, нельзя ждать сиюминутных результатов, но если встречи проводить достаточно регулярно, с постепенным расширением состава участников и сохраняя их активное ядро, а главное, если в промежутках между встречами участники народно-дипломатического процесса энергично будут доносить до возможно большего числа людей тот положительный заряд, с которым они обычно возвращаются домой, то результатом будет постепенное распространение в обществе мнения о неприемлемости войны, как единственного средства решения конфликтов. Определенная трансформация общественного мнения поможет официальной дипломатии смелее идти на компромиссные решения, без которых немислимо окончательное урегулирование проблемы.

Примером целенаправленных действий в интересах нейтрализации конфликта, после одной из неформальных грузино-абхазских встреч, в частности, семинара в Штад-

тшлайнинге (Австрия) в 1997 г. является деятельность грузинской группы, которая по возвращении в Тбилиси имела несколько специальных встреч с журналистами и представителями общественности, где обсуждались результаты поездки и причины, мешающие миротворческому процессу.

На встрече в «Кавказском доме» родилась идея выступить с письмом на страницах прессы, где было бы показано наше видение грузино-абхазского конфликта и путей выхода из него. Над составлением первоначального варианта письма под названием «Найти выход!» работали писательница Наира Гелашвили, президент фонда Солидарности народов Кавказа Анна Абрамишвили, журналистка Манана Даржания и я. Затем окончательно отредактировав документ при участии остальных наших единомышленников (известная художница по металлу М.Магомедова, психолог проф. Н.Сарджвеладзе, конфликтолог проф. Г.Хуцишвили, филолог Ю.Чиковани, социолог проф. Г.Цуладзе и др.) мы опубликовали его в грузинских газетах «Ахали Таоба», «Дилис Газети», «7 Дге» (12-13 августа 1997 г.), а позднее в журнале «Апра» (1997 г., № 1). Письмо подписали 37 представителей грузинской интеллигенции – ученые, художники, педагоги, журналисты и др., среди которых несколько человек – беженцы из Абхазии. Подавляющее большинство подписавшихся не были участниками штадтшлайнингового семинара.

Авторы письма решительно отвергают войну, как способ решения абхазской проблемы. Они впервые в Грузии открыто поставили в один ряд грузинскую и абхазскую национальные идеи – территориальное единство Грузии и независимость Абхазии – как имеющих одинаковые права на существование. Выход из создавшейся ситуации авторы письма видят в установлении договорных взаимоотношений между Грузией и Абхазией, если эти взаимоотношения обеспечат окончательное примирение сторон и правовую и реальную защищенность всех граждан Абхазии, независимо от их национальности. Проект официального Тбилиси – сначала полное и безусловное возвращение беженцев, а затем определение политического статуса Абхазии – характеризуется в письме как нереальный. В условиях «холодной войны» массовый возврат населения неосуществим. А если бы даже и появилась такая возможность, то допустима ли отправка людей в зону возможных боевых действий? Ведь неопределенность политического статуса потенциально содержит опасность возобновления войны. Проблема возвращения перемещенных лиц, по мнению авторов письма, должна решаться в контексте определения политического статуса.

Авторы письма призывают стороны к прямому диалогу на предмет образования общего политического, экономического и информационного пространства, с учетом сложившихся реалий. Они призывают также официальный Тбилиси, в подтверждение своей доброй воли, снять экономическую блокаду Абхазии, осуществляемую силами СНГ (фактически: России). Эта блокада, малоэффективная с политической точки зрения и сомнительная в моральном отношении, лишь вредит миротворческому процессу, упрочняя образ врага в изолированном обществе.

Наконец, в письме указывается на необходимость нравственной оценки трагических событий в Абхазии и выражена уверенность, что реализация вышеизложенного варианта решения проблемы, не только создаст основу для мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта, но и станет важным шагом на пути общекавказской интеграции.

«Письмо 37-ми» не вызвало у грузинского читателя отрицательной реакции, если не считать высказываний отдельных политиков. Это показывает, что грузинское общество сегодня терпимее относится к отличающемуся от общепринятого мнению, чем это было в конце 80-х годов. Что касается Абхазии, там, как мне известно, наше письмо восприняли положительно. Оно было опубликовано на русском языке в Сухумской газете «Республика Абхазия» от 23.VIII. 97 г.

Остается с сожалением отметить, что руководство Грузии, фактически, проигнорировало письмо 37-ми, выражающее мнение определенной части грузинской

общественности. Минуло почти два года после его публикации, а способы, которыми правительство пытается решить абхазский вопрос, можно сказать, остаются неизменными. Соответственно, нет и движения вперед в деле урегулирования конфликта.

Таким образом, методы, которые народная дипломатия может использовать в целях нейтрализации этнического конфликта – весьма разнообразны, но все они сходятся в том, чтобы воздействием на общественное мнение способствовать его дерадикализации. Это создает условия для перевода конфликта в политически более приемлемую форму. Что же касается окончательного урегулирования проблемы, то это, как отмечалось, прерогатива официальных властей. При этом, изменение общественных приоритетов в сторону мирного решения конфликта, заставит их действовать в этом направлении более решительно.

Степень успеха народной дипломатии зависит от интенсивности применения его методов, способности вовлечь в этот процесс как можно больше людей, а также от позиции государственно-политических структур.

В нашем случае не удалось предотвратить развитие силового конфликта и он достиг своей крайней формы – войны. Слишком могущественные силы были в этом заинтересованы прямо или косвенно. По сравнению с их возможностями только морально-нравственного превосходства активных сторонников мира было недостаточно. Нам не хватало организованности. Не располагая действенными механизмами формирования общественного мнения, мы не могли широко пропагандировать свои идеи, а следовательно, не смогли (или не успели) создать себе опору среди широкой общественности. Государственная политика фактически больше способствовала разрастанию конфликта, чем его разрядке. Но и после того, как худшее уже произошло, а миротворческие усилия официальной дипломатии не приносят плоды, процесс народной дипломатии следует продолжать и наращивать. Резервы в этом отношении далеко не исчерпаны.

*Первая публикация в книге:
«Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе».
Материалы грузино-абхазской конференции. Март 1999 г. Сочи.
Ред.: П. Гарб, А. Инал-ипа, П. Закарешивили. Ирвайн, 1999. С. 17-37.*